

RU

Две малые надписи пизанского Дуомо: новое прочтение и реинтерпретация эпитафических памятников

Вальков Д. В.

Аннотация. Цель статьи - предложение нового прочтения и новой интерпретации надписей, отличающихся от имеющихся в специальных источниковедческих и более общих историко-искусствоведческих работах западноевропейских исследователей. Статья является результатом полевой работы автора с малыми надписями пизанского кампо (соборной площади), расположенными в том числе с внешней стороны стен городского Дуомо, в основной массе связанными с существовавшим до начала XIV в. обширным некрополем *apud Domum*. **Научная новизна** заключается в том, что впервые в отечественной медиевистике в научный оборот автором вводятся две пизанские малые надписи XII в. (являются составной частью эпитафического репертуара, относящегося к фасаду Дуомо), значимые как для понимания путей развития эпитафической практики северо-апеннинских городских центров в XIII-XV вв., так и для анализа политического дискурса и, шире, идеологии городских коммун и инструментов их репрезентации. **В результате** автором были даны новое чтение и новая интерпретация сиглевой составляющей публикуемой надгробной надписи Ланберти; была предложена новая интерпретация изобразительной композиции на публикуемой плите с антропоморфной фигурой, а также было пересмотрено значение эпитафического памятника в целом; были рассмотрены место памятников в эпитафической практике северных Апеннин и их историческое значение.

EN

Two Minor Inscriptions on the Facade of Pisa Cathedral (Duomo di Pisa): Reinterpretation of Epigraphic Monuments

Valkov D. V.

Abstract. The article introduces a new interpretation of inscriptions on Pisa Cathedral facade. The author's interpretation differs from commonly adopted interpretations developed by the West European researchers in special source study works and in general works on art history. The paper presents results of studying minor inscriptions on Pisa Cathedral facade, basically associated with the spacious necropolis *apud Domum*, which existed till the XIV century. Scientific originality of the research lies in the fact that for the first time in domestic medieval studies, the author introduces two minor inscriptions of the XII century (an element of Pisa Cathedral epigraphy) into scientific circulation, which are important both for understanding the epigraphic tradition development in the Northern Apennine region in the XIII-XV centuries, as well as for understanding political discourse and, more generally, ideology of urban communities and instruments of its realization. The research findings are as follows: the author introduces a new interpretation of a certain element of Lanberti's epitaph, proposes a new interpretation of decorative composition with an anthropomorphic figure, reconsiders general value of this epigraphic monument, examines the place of the analysed monuments in the epigraphic tradition of the Northern Apennine region, identifies their historical value.

Актуальность статьи обусловлена как недостаточностью имеющегося в специальных и более общих исследованиях источниковедческого комментария двух рассматриваемых эпитафических памятников, так и их значимостью, с одной стороны, для понимания путей развития эпитафической практики северо-апеннинских городских центров в XIII-XV вв., с другой стороны, для исследования политического дискурса и, шире, идеологии городских коммун и инструментов их репрезентации. **Задачи** статьи: во-первых, на основе осуществленных автором в 2017-2020 гг. полевых наблюдений предложить новое чтение и новую интерпретацию части надгробной надписи; во-вторых, предложить новую интерпретацию изобразительной

композиции на плите с антропоморфной фигурой и значения эпиграфического памятника в целом; в-третьих, представить источниковедческий комментарий памятников. **Теоретической базой** статьи послужили в т.ч. материалы наиболее крупных международных коллоквиумов по средневековой европейской эпиграфике [19; 25; 32]. При первичной обработке эпиграфического материала в качестве **методов исследования** применялись фотофиксация и протирка графитом по мягкой бумаге; при анализе и интерпретации визуального и вербального нарратива эпиграфических памятников – исторический и системный методы. **Практическая значимость** статьи заключается в возможности использования приведенных в ней результатов исследования в более широких медиевистических работах, посвященных культурной и политической проблематике в истории Пизанской коммуны XII в.

Лапидарные памятники, связанные с пизанским Дуомо (собор Санта-Мария Ассунта), неоднократно привлекали внимание медиевистов и источниковедов-эпиграфистов. Предметом анализа становились, прежде всего, крупногабаритные плиты (максимальная ширина плиты – около 2,1 м, минимальная ширина плиты – около 0,32 м) с пространными надписями (максимальное количество строк – 26, минимальное количество строк – 6), располагающиеся преимущественно на фасаде Дуомо, чье содержание обозначает основные военно-политические свершения Пизанской коммуны на юге Апеннинского полуострова, на Сицилии и Сардинии, а также в Западном Средиземноморье в XI – 1-й половине XII в. и связанные с ними события локальной архитектурной истории (интеграция в расширяющееся городское пространство Пизы северо-западных предместий позднеантичного–раннесредневекового города на правом берегу Арно, занятых в VII-X вв. некрополем и более поздней спорадической церковной застройкой [22, р. 85-106]; начало возведения Дуомо и обустройства соборной площади-кампо). Так, лапидарным откликом на обстоятельства противостояния Пизы и союзников мусульманским государственно-территориальным образованиям на Сицилии, в Калабрии, на Сардинии и на Балеарах посвящена серия статей [44-47] Дж. Скалиа 1963, 1969, 1972 и 1982 гг. В отмеченных работах в сопоставлении с хроникальным и канцелярским материалом были рассмотрены: элогия, увековечивающая военные экспедиции Пизы 1006, 1016 и 1034 гг. в Мессану (Мессину), на Сардинию и в Бону (Аннабу) (статьи 1963, 1969, 1982 гг.); элогия пизанского военного рейда к Панорму (Палермо) 1064 г., предшествовавшего началу возведения Дуомо, а также т.н. элогия Гвидо, содержательно связанная с панормитанской элогией (статьи 1963, 1969, 1982 гг.); т.н. эпитафия королевы Майорки, возвещающая о покорении Балеар в ходе военной кампании 1113-1115 гг. Пизанской коммуны и союзников (рассмотрена в статье 1963 г.); надгробная элогия архитектора Бускетто, связанная с панормитанской элогией 1064 г. (рассмотрена в статье 1969 г.); т.н. элогия Энрико (вмурована с внешней стороны западной стены северной части трансепта Дуомо, рассмотрена в статье 1972 г.). Эти же памятники явились предметом публикаций О. Банти 1981 г. [5] и 1996 г. [4, р. 19, 21-24, 26, 70] и базой более широкого историко-искусствоведческого исследования К. Фругони (статья 1989 г.) [21]. Говоря о самосознании средневекового мастера, К. Фругони анализирует в т.ч. элогию военных экспедиций Пизы 1-й половины XI в. К этому же памятнику, а также к элогии пизанского военного рейда к Панорму обращается в статье 1981 г. О. Банти. В каталоге 1996 г. О. Банти предпринята сквозная публикация шести упомянутых памятников. Роспись более ранних упоминаний и публикаций отмеченных памятников (за исключением т.н. элогии Энрико и т.н. эпитафии королевы Майорки), содержащая, впрочем, некоторые неточности, приведена в диссертационном исследовании В. Торри 1998 г. [49]. Группа пространных коммеморативных надписей (от 4 до 9 строк, длиной от 0,87 до 1,7 м; все с внешней стороны южной стены Дуомо), выполненных в первых десятилетиях XIV в. от имени оперария Св. Марии Боргоньо ди Тадо, также вошла в каталог 1996 г. (с росписью наиболее важных предшествующих упоминаний и публикаций) [4, р. 30-32, 49-50]. Таким образом, большие надписи являются неоднократно опубличованным, прокомментированным и введенным в медиевистические исследования массивом памятников, в целом не нуждающимся в корректировке прочтения или реинтерпретации содержания (исключение составляют, пожалуй, только т.н. элогия Энрико и отчасти т.н. эпитафия королевы Майорки).

Малые надписи (длина текстов, далеко не всегда коррелирующих с отдельными плитами и, таким образом, с их шириной, в среднем составляет от 0,4 до 1,5 м, при количестве строк не более 5), связанные с Дуомо и, шире, с пизанским соборным кампо, существенно более многочисленны и разнородны; в их числе имеются коммеморативные надписи, надписи предположительно апотропаического значения, подавляющее же большинство составляют надгробные надписи, относящиеся к существовавшему до начала XIV в. некрополю arid Domum (при соборе). Малые надгробные надписи представлены двумя обособленными массивами: надписями, нанесенными по периметру Дуомо, с внешней стороны на фасаде и боковых стенах, призванными идентифицировать захоронения, в т.ч. в саркофагах, и обозначить вектор их местонахождения в зоне соборного некрополя, и надписями на реутилизированных для погребения преимущественно представителей средневекового пизанского городского патрициата римских античных саркофагах, а также на средневековых саркофажных крышках (в начале XIV в. начинается постепенная декомпозиция соборного некрополя и перемещение саркофагов и саркофажных крышек в возводимый Пизанской коммуной в непосредственной близости комплекс Кампосанто; в настоящее время сохранившиеся античные саркофаги и средневековые саркофажные крышки пизанского соборного некрополя доступны в фондах Кампосанто). Единственный в своем роде случай корреляции между надгробными надписями внешней стороны стен Дуомо и надгробными надписями на саркофагах и саркофажных крышках в фондах Кампосанто иллюстрируется надписью пизанского консула 1164, 1166, 1169, 1173, 1180, 1182, 1188 гг. Ильдебрандо Бамбоне: краткая надгробная надпись консула на северной

стене Дуомо, на пятой пилястре от северного угла фасада, – + VA(m)VO – дублируется такой же надписью на саркофажной крышке на одном из античных саркофагов в фондах Кампосанто (верификация атрибуции имеющихся в фондах Кампосанто средневековых саркофажных крышек имеющимся античным саркофагам – отдельная и в некоторых случаях едва ли разрешимая полностью исследовательская задача). Надгробные надписи на саркофагах и саркофажных крышках в фондах Кампосанто, опубликованные в каталоге 1977 г. [3], за незначительным числом исключений, не нуждаются в коррекции прочтения и принципиальной ревизии источниковедческого комментария, хотя, в частности, расширение и детализация просопографической составляющей комментария были бы для каталога желательны. Надгробные надписи, нанесенные с внешней стороны на фасаде и боковых стенах Дуомо, изучены неоднородно. В их числе – как единичные достаточно подробно описанные и прокомментированные памятники (например, надгробная надпись мастера Гульельмо, создателя резной кафедры пизанского Дуомо, или надгробная надпись рожденного Унгарелло Гвидо, оба памятника XII в.), так и значительный массив памятников, нуждающихся в тщательном палеографическом, источниковедческом, историческом и лингвистическом комментарии, а также верификации чтения (как, в частности, рассматриваемая в данной статье надгробная надпись отпрысков семейства Ланберти, расположенная на фасаде Дуомо, под саркофагом архитектора Бускетто). Малые надписи, и прежде всего надгробные, расположенные с внешней стороны стен по периметру Дуомо, поздно стали предметом публикации в рамках единых сводов: в 1995 г. их сквозная публикация была предпринята А. Милоне [36], в 1996 г. – О. Банти [4]. Оба корпуса отличает несколько прелиминарный характер – они лишены подробного палеографического, источниковедческого, исторического и лингвистического комментария, подробного введения, характеризующего значение публикуемого эпиграфического материала для развития эпиграфической практики северо-апеннинских городских центров в XIII-XV вв. В ряде случаев чтение надписей ошибочно или неполно (как в случае надгробной надписи отпрысков семейства Ланберти), не рассматриваются также все возможные варианты чтения. Лишенная в корпусах 1995 и 1996 гг. подробного комментария плита с антропоморфной фигурой в окружении единорогов, расположенная на фасаде Дуомо, под коммеморативной надписью мастера Райнальдо (оригинал – в фондах Музея творений Собора), широко известна как по более ранним, так и по новейшим историческим и искусствоведческим работам. Тем не менее упомянутый памятник не утратил значимость в качестве объекта исследования. К реинтерпретации его визуального и вербального нарратива также предполагается обратиться в данной статье.

Надгробная надпись семейства Ланберти

Рисунок 1. Надгробная надпись семейства Ланберти (фотография автора)

Материал: мрамор.

Размеры памятника: ~0,53 м^(д). Буквы: ~4^(в)×~2^(ш) см.

Местонахождение: Пиза, собор Санта-Мария Ассунта, фасад, с внешней стороны стены, справа от крайней левой пилястры фасада, под саркофагом архитектора Бускетто и коммеморативной плитой с лавдацией военных свершений Пизы в Западном Средиземноморье.

Датировка: XII в.

Библиография: *Milone A. Schede dell'esterno // Il Duomo di Pisa / A cura di A. Peroni; Collana "Mirabilia Italiae", 3; Dir. da S. Settis. Vol. I. Modena, 1995. P. 340. № 21; Banti O. Le epigrafi e le scritte obituarie del Duomo di Pisa / Biblioteca del "Bollettino storico pisano". Fonti, 5. Pisa, 1996. P. 25. № 8.*

Текст (de visu, 2017, 2020 гг.):

+ SEPVL CRU(m) FILIORV(m) LANB(er)TI

Погребение отпрысков (семейства) Ланберти.

Алфавитные знаки вне основного текста: буквы SE или, менее вероятно, SF, справа сверху, над основным текстом (предположительно, XII-XIII вв.).

Внеалфавитные знаки: инвокативный, возможно также оративный знак в виде креста перед основным текстом.

Разночтения:

SF SEP(ulchrum) FIL(iorum) LANB(er)TI.

(Milone A. Schede dell'esterno // Il Duomo di Pisa... P. 340. № 21; SF – S(epulchrum) F(iliorum)).

S/ + SEPULCRU(m) FILIORU(m) LANB(er)TI.

(Banti O. Le epigrafi e le scritte... P. 25. № 8).

Комментарий:

1. Сохранность памятника, включая алфавитные знаки вне основного текста и внеалфавитные знаки, отличная. Словоформы не разделены (scriptio continua), интерпункция в основном тексте отсутствует. Врез букв основного текста профилированный, подтреугольный. Врез букв над основным текстом: у S преимущественно профилированный, подтреугольный, вверху и внизу близкий к граффити; E(F) без четкого вреза, сопоставимы с граффити. Основной текст выполнен коммунальным капиталисом с элементами унциала. Графические формы букв над основным текстом близки к капитальным. Суспензии в словоформах SEPULCRU(m), FILIORV(m); контракция в словоформе LANB(er)TI (см. Рис. 1).

Ланберти, Ламберти, родовое имя (имя консортерии), с X в. сравнительно широко распространенное в северной и центральной зоне Апеннинского полуострова [15, p. 4; 34, p. 161, 168, 173, 178, 211]. Пизанские Ламберти упомянуты в Собрании гербов тосканских семейств Э. Черамелли Папиани (fasc. 5820) [23]. Отсутствуют в биографо-геральдическом описании Дж. Кроллаланцы [15], а также в описании пизанских семейств Р. Рончони [16].

Белленджеро Ланберти фигурирует в качестве свидетеля в документе от 1143 г., фиксирующем обязательства Вильгельма VI, графа Монпелье, относительно соблюдения интересов и обеспечения имущественных прав Пизанской и Генуэзской коммуны, нарушенных графами Тулузскими [42, p. 203]. Беренгарио Ланберти и Райнерио Ламберти фигурируют среди принесших клятву в мирном договоре от ноября 1225 г. между байло и консулами Монпелье и Пизанской коммуной [ibidem, p. 298].

Пизанские Ланберти – Буямонте Ланберти, Паче Ланберти, Пандольфино Ланберти, Герардо Ланберти, Ренальдо Ланберти, Перичоло Ланберти, Алеманно Ланберти – фигурируют в коллективной клятве 4300 пизанцев сохранять верность союзу Пизы с Сиеной, Пистойей и Поддживонси, заключенному в июне-августе 1228 г. [24, p. 364-388; 43].

LANB(er)TI – губно-переднеязычная альтерация перед губной (Lamberti – Lanberti); при отсутствии перехода губной m в переднеязычную n перед последующей губной в тосканских вольгаре отмеченная альтерация в латинском тексте представляется, скорее, орфографическим явлением [8, p. 122].

2. Пристального внимания заслуживают упомянутые алфавитные знаки вне основного текста (хронологически вторичны по отношению к основному тексту). Верифицируемое in situ наличие трех практически равных по длине горизонтальных линий, ограниченных вертикальными штрихами и примыкающих справа к вертикальной оси, позволяет прочитывать второй алфавитный знак вне основного текста, следующий за S, как E.

Возможности интерпретации букв SE, исходя из сопоставления с античным и средневековым эпиграфическим материалом, не вполне рациональны: 1) SE могут быть интерпретированы как сигли, со значением S(itus) E(st); в синтаксическом контексте рассматриваемой надписи данная интерпретация допустима при условии среднеродовой формы причастия (сиглевая маргиналия как дополнение и пояснение основного текста: S(itus) E(st) ₁ + SEPULCRU(m) FILIORV(m) LANB(er)TI, *Здесь расположено Погребение отпрысков (семейства) Ланберти*); 2) в SE возможно усматривать усечение, в частности, для SE(cutor) – *спутник, провожатый*; в таком случае их со значительной долей гипотетичности необходимо было бы трактовать как некое обращение к прочитавшему строки основного текста *спутнику, провожатому, родичу* или как некую фирму *спутника, родича*, когда-либо видевшего захоронение (или лица, причисляющего себя к числу тех (ассоциирующего себя с тем), кто указал исполнить основной текст): SE(cutor) ₁ + SEPULCRU(m) FILIORV(m) LANB(er)TI, *Провожатый (спутник, родич) [...] Погребение отпрысков (семейства) Ланберти или Провожатый (спутник, родич) [...] Погребение отпрысков (семейства) Ланберти*; 3) SE возможно толковать как усечение для SE(pulcrum) (причины удвоения лексемы SEPULCRVM не вполне ясны; удвоение могло бы стать или результатом стремления монументализировать основной текст – SE(pulcro) ₁ + SEPULCRU(m) FILIORV(m) LANB(er)TI, *В могиле (близ надгробной надписи) Погребение отпрысков (семейства) Ланберти*, – или своеобразным визуально-мнемоническим знаком, делающим возможной более быструю зрительную локализацию текста на поверхности стены; едва ли в рассматриваемом случае необходимо говорить о маркировке переноса словоформы SEPULCRU(m) со строки на строку); 4) SE возможно толковать как сигли S(epulcrum) E(orum), S(epulcro) E(o) или S(epultura) E(orum), S(epultura) E(a): S(epulcrum) E(orum), S(epulcro) E(o) или S(epultura) E(orum), S(epultura) E(a) ₁ + SEPULCRU(m) FILIORV(m) LANB(er)TI, *Погребение (захоронение) тех или в этой могиле (в этом захоронении, близ этой надгробной надписи) Погребение отпрысков (семейства) Ланберти*, при этом сиглевая маргиналия также могла бы явиться результатом стремления монументализировать основной текст; 5) наконец, SE возможно толковать как сигли S(epulcri) E(de): S(epulcri) E(de) ₁ + SEPULCRU(m) FILIORV(m) LANB(er)TI, *В покоех могилы Погребение отпрысков (семейства) Ланберти*, при этом сиглевая маргиналия могла бы явиться результатом стремления монументализировать основной текст. Так, приведенные варианты интерпретации, во-первых, учитывают преимущественно римскую античную эпиграфическую практику до рубежа IV-V вв. (при размывании уже с IV в. и усиливающейся в период VII-X вв. в иберийской и апеннинской эпиграфической практике деградации системы

античного сигля, а также при ограниченности использования усечений позднее IX-X вв.), во-вторых, выходят за рамки значимого для интерпретации эпиграфического материала принципа синтактико-морфологического и семантического неусложнения интерпретируемой части текста в сопоставлении с достоверно читаемой.

SE представляется возможным интерпретировать вне античной системы сиглей и стоящего за ней репертуара формул, равно как и вне раннесредневековых прецедентов использования сиглей, а именно в качестве произвольно сформированной группы сиглевых аббревиаций (не связанных с очерченным традицией рядом формул) со значением S(alus) E(terna), *спасение вечное*. Источник данного словосочетания, как кажется, необходимо усматривать в текстомузыкальных формах, сопряженных с литургическим обиходом. Так, SE может выступать сиглевой отсылкой к двум первым словам секвенции Адвента Salus aeterna в авторстве анонима 1-й половины X в. [1, р. 28-29; 2, р. 3; 14; 40, р. 497; 41, р. 351-352; 48, р. 87]. Salus aeterna вне incipit также встречается в хронологически сопоставимом текстомузыкальном материале [1, р. 32; 2, р. 11]. В рамках погребального локуса в сиглях SE закономерно видеть своеобразный оративный знак, актуализирующий молитвенное благопожелание спасения через крестное искупление Христа (Salus aeterna, Indeficiens mundi vita; Lux sempiterna, Et redemptio vere nostra, tu animas et corpora, omnia vivificata nostra, Christe, expia, ut possideas lucida nosmet habitacula. Adventu primo justifica In secundo nosque libera. / *Спасение вечное, не иссякающий живот мира, вечный свет и воистину искупление наше, ты души и тела наши, все воскрешенные к жизни, Христе, очисти, дабы обрелись мы с Тобой в светозарных обителях. В пришествии первом оправдай нас, в пришествии втором освободи нас*). В качестве другого варианта интерпретации сиглей SE, более свободного от логики поиска его истоков в литургическом обиходе и сопряженных с этим обиходом текстомузыкальных формах, можно предложить S(alus) E(is), *спасение таковым (им)*.

В упомянутой публикации 1995 г. А. Милоне для двух рассматриваемых алфавитных знаков вне основного текста были предложены прочтение SF и интерпретация S(epulchrum) F(iliogum), *погребение отпрысков*. Прочтение А. Милоне является существенно менее подкрепленным наблюдением in situ, нежели предложенное нами прочтение SE. Интерпретация А. Милоне также не вполне рациональна: причины подразумеваемого исследователем дублирования основного текста сиглевой маргиналией неясны и не объяснены; рациональным объяснением дублирования могло бы быть понимание его как своеобразного визуально-мнемонического знака, делающего возможной более быструю зрительную локализацию текста на поверхности стены.

Нам представляется, что, если прочтение А. Милоне невозможно исключить полностью, существенной корректировке необходимо подвергнуть тем не менее интерпретацию буквенного сочетания. SF могло бы выступать в качестве произвольно сформированной группы сиглевых аббревиаций со значением S(alutaris) F(idelium), отсылающих к соответствующему пассажу Первого послания Тимофею апостола Павла (IV:10) [7, р. 873]. В рамках погребального локуса в сиглях SF оправданно было бы усматривать замену оративной формулы (сопоставимой с *requiescant in pace*) и дублирование знака креста с оративным значением. В несколько более позднем гимнографическом материале, связанном со Св. Девой Марией, встречается словосочетание *spes fidelium*, *упование верных*, также релевантное для сиглевой аббревиации SF [33, S. 59, 209-210]. В качестве дополнительного варианта интерпретации сиглей SF было бы возможно предложить S(alvati) F(iunt), *спасены (спасенные пребывают)*.

Плита с антропоморфной фигурой

Рисунок 2. Плита с антропоморфной фигурой (оригинал)
(фотография автора)

Рисунок 3. Плита с антропоморфной фигурой (копия 1865 г.)
(фотография автора)

Материал: мрамор (оригинал); полихромный мрамор (копия).

Размеры памятника: копия – 0,54 м^(в)×1,34 м^(д) (общие размеры).

Местонахождение: копия 1865 г. – Пиза, собор Санта-Мария Ассунта, фасад, с внешней стороны стены, над правой пилястрой портала центрального нефа, под памятной надписью мастера Райнальдо; оригинал – в зале № 2 пизанского Музея творений Собора.

Датировка: XII в., предпочтительно 1140-е – 1160-е гг.

Библиография: *Rumohr C. F. von.* Italienische Forschungen. Zweiter Teil. Berlin; Stettin, 1827. S. 155. Anm. 1; *Estense P. S.* Intorno alla simbologia figurativa ornamentale nelle chiese cristiane del Medio Evo // Memorie dell'I. R. Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti. Vol. II. Venezia, 1845. P. 389; *Baracchini C., Caleca A.* Presenze islamiche nell'arte a Pisa // Arte islamica. Presenze di cultura islamica nella Toscana costiera. Pontedera, 1955. P. 56, 69; *Sanpaolesi P.* Il duomo di Pisa e l'architettura romanica toscana delle origini. Pisa, 1975. Pl. LXXXII^b; *Calderoni Masetti A. R.* Formelle intarsiate sulla facciata del Duomo di Pisa // Studi in onore di R. Salvini. Firenze, 1984. P. 97; *Castelnuovo E.* L'artista // L'uomo medievale / A cura di J. Le Goff. Bari, 1993 (rist. 2014). P. 257; *Favreau R.* Le thème iconographique du lion dans les inscriptions médiévales // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 135e année. 1991. N° 3. P. 618-619 (*Favreau R.* Études d'épigraphie médiévale. Limoges, 1995. P. 452); *Milone A.* Schede dell'esterno // Il Duomo di Pisa / A cura di A. Peroni; Collana "Mirabilia Italiae", 3; Dir. da S. Settis. Modena, 1995. Vol. I. P. 344. N° 56; *Milone A.* Scheda *Tarsia* // Il Duomo di Pisa / A cura di A. Peroni; Collana "Mirabilia Italiae", 3; Dir. da S. Settis. Modena, 1995. Vol. I. P. 353-355; *Banti O.* Le epigrafi e le scritte obituarie del Duomo di Pisa / Biblioteca del "Bollettino storico pisano". Fonti, 5. Pisa, 1996. P. 27. *Torri V.* Zeichen friedlicher und bewaffneter Wallfahrt in der toskanischen Skulptur des 12. Jahrhunderts um Guilielmus und Biduinus [Электронный ресурс]. URL: <http://webdoc.sub.gwdg.de/ebook/p/1999/torri/Titel,Inhalt,Hinweise.pdf> (дата обращения: 16.09.2020); *Banti O.* Monumenta epigraphica pisana saeculi XV antiquiora. Pisa; Ospedaletto, 2000. P. 49; *Belcari R.* La pieve di S. Giovanni // Campiglia. Un castello e il suo territorio. I. Ricerca storica / A cura di G. Bianchi; Progetto "Archeologia dei paesaggi medievali". Firenze; Sesto Fiorentino, 2003. P. 683. Nota 226; *Bozzoli Ch.* Magister Guido, marmolarius sancti Martini de Luca [Электронный ресурс]. URL: <https://etd.adm.unipi.it/theses/available/etd-09132007-161140/unrestricted/tesipdf.pdf> (дата обращения: 16.09.2020).

Текст (de visu, 2017, 2020 гг.):

оригинал

¹ deoreleonislib[---]

² ACORNi[umu]NICORNIVMНu[milita]TEMMEA(m):

копия

¹ DEORELEONISLIBERAMEDOMINEET

² ACORNIBUSUNICORNIVMHUMILITATEMMEA(m):

От пасти льва свободы меня (от пасти льва избавь меня), Господи, и от рогов единорогов кроткую мою.

Внеалфавитные знаки: две расположенные одна над другой точки после текста, во второй строке.

Разночтения:

DE ORE LEONIS LIBERA ME DOMINE ET A CORNIBUS UNICORNIUM HUMILITATEM MEAM

(*Castelnuovo E.* L'artista. P. 257).

DE ORE LEONIS LIBERA ME, DOMINE ET A CORNIBUS UNICORNIUM HUMILITATEM MEAM

(*Favreau R.* Le thème iconographique du lion... P. 618; *Favreau R.* Études d'épigraphie médiévale. P. 452).

DE ORE LEONIS LIBERA ME DOMINE

ET A CORNIBUS UNICORNIUM HUMILITATEM MEAM

(*Torri V.* Zeichen friedlicher und bewaffneter Wallfahrt... Katalog. S. 77).

Повсеместно в указанных публикациях, а также в прочих публикациях, суммированных в «Библиографии», отсутствует графическое разграничение U-V, имеющееся в оригинальном тексте; введена разбивка на словоформы, отсутствующая в оригинальном тексте. Повсеместно в указанных публикациях распределение словоформ по строкам не обозначено или обозначено неверно (В. Торри); аббревиатура не маркирована и не раскрыта; внеалфавитные знаки не приводятся.

В более ранних публикациях (К. Румор, П. Эстенсе) приводятся отдельные фрагменты текста.

Комментарий:

1. Сохранность копии (см. Рис. 3) отличная, врез букв копии профилированный, подквадратный, инкрустация; сохранность оригинала (см. Рис. 2) плохая, практически полностью утрачена верхняя строка (текст частично сохранился только в левой части), текст нижней строки значительно фрагментирован из-за сколов, центральная часть с изобразительной композицией не имеет существенных повреждений, повсеместно инкрустация отошла от несущего субстрата и утрачена, боковые и нижний края плиты без существенных повреждений. В обоих строках копии и оригинала – scriptio continua. Интерпункция в тексте копии и оригинала отсутствует. Во второй строке копии и оригинала за текстом следуют специальные знаки – группа из двух выстроенных вертикально точек. Врез букв оригинала профилированный, подквадратный; инкрустация. Несмотря на использование техники инкрустации для выполнения текста, деградации графических форм букв в нем не наблюдается. Текст выполнен коммунальным капиталисом со значительной долей унциальных графических элементов. В целом для текста нехарактерно решающее преобладание капитальных графических форм, свойственное для сопоставимых памятников в т.ч. пизанской эпиграфики конца XI – первых десятилетий XII в., что должно являться косвенным аргументом в пользу отнесения рассматриваемого памятника к более позднему хронологическому промежутку во второй половине XII в. В словоформе MEA(m) – суспенсия назальной согласной. В словоформах CORNIBUSUNICORNIVM – вписание буквы O в букву C; в словоформе HUMILITATEM – лигатура TE (как приемы графической оптимизации и экономии пространства, а также декорирования текста).

2. По справедливому замечанию Э. Кастельнуово, памятник имеет, в первую очередь, значение апотропея [10, p. 257]. Сложнее согласиться с интенцией исследователя усматривать в памятнике преимущественно личный апотропей или оративный знак мастера Райнальдо. Устанавливать эксклюзивную связь между надписью мастера Райнальдо, находящейся выше, и рассматриваемым памятником (объединяющим черты как апотропея вербального, так и апотропея невербального (изобразительного)), а также усматривать в памятнике личный апотропей или оративный знак мастера нам представляется едва ли корректным.

Изобразительная композиция в центральной части памятника – антропоморфная фигура в подобии головного убора, в длинной одежде (языках пламени?), держащая в правой руке крест, фланкированная единокоргами, – имеет значение невербального апотропея негеометризированного подтипа (негеометризированный подтип невербального (изобразительного) апотропея представлен, во-первых, изображениями торжества воли и силы Божией, во-вторых, – гротескными изображениями, нарушающими естественные, общие, распространенные, привычные формы объектов, включая человеческое тело, в-третьих, – обценными изображениями, визуализирующими греховное и срамное). Композиция предполагает несколько первичных сопряженных вариантов трактовки: 1) в фигуре (в языках пламени?) возможно усматривать собирательный образ «трех отроков в пещи огненной», спасенных волею Божией; фланкирующие фигуру единокорги представляются визуализацией языческого идола, которому отказались поклониться отроки; 2) крест в правой руке фигуры (в длинной одежде?) служит возможной отсылкой к образу пророка Даниила, возвещающего пришествие Мессии и спасенного волею Божьей от пасти львиной – прообраз грядущего в пришествии спасения от пасти адовой (об амбивалентности образа льва, воплощающего в т.ч. надменность, гордыню, спесь, коварство, грех и inferнальное начало, см.: [9, p. 642-652, 660-661; 39, p. 47-52]); фланкирующие фигуру единокорги представляются визуализацией inferнального начала (об образе единокорога см.: [38, с. 229-230]); 3) наконец, в фигуре с крестом в правой руке возможно усматривать образ Давида, из корня которого происходил Иисус, при помощи Божией отгоняющего льва и сокрушающего противника, – как прообраз сокрушения ада Христом; как и в предшествующем случае, единокорги, семантически сопоставимые со львами, представляются визуализацией inferнального начала (об экзегезе образов пророка Даниила и Давида, а также о связанных с ними в европейской средневековой эпитафике текстах см.: [20, p. 615-618]).

Апеннинский эпитафический материал позволяет привести ряд примеров вербального (текстового) апотропея. В частности, черты вербального апотропея свойственны текстам некоторых эпитафических памятников, относившихся к замкам лигурийской Савоны. Над входом в Кастелло Санта-Мария, располагавшийся на холме Приамар, был выбит текст [13, p. 120-121]: VERBA S(an)CTI EVANGELII <non> IGNORATIS QUIA NISI DO(m)I(n)US CUSTODIERIT CIVITATE(m) FRUST(r)A VIGILAT Q(ui) COSTODIT. / Вы знаете слова Святого Писания, ведь если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж (ср.: [6, p. 255]). Над входом в Кастелло Сан-Джорджо, возведенный Генуей в 1253 г., находился текст: VIGILA ET CUSTODI TE A SAON(a) NE IN TE SOMNO DECIPIAT [13, p. 121-122]. / Будь настороже и остерегайся Савоны, дабы не провела тебя в дремоте, в котором VIGILA ET CUSTODI – парафраз I Пет., V:8. Черты вербального апотропея свойственны также тексту рассматриваемого пизанского памятника, обрамляющему центральную изобразительную композицию, выражающему мольбу о спасении волей и силой Божией из пасти львиной как прообраз спасения из пасти адовой (ср. I Пет., V:8).

Примечательно, что лев как визуализация, прежде всего, эсхатологического противника (Sobrii estote, (et^{vulg.}) vigilate: quia adversarius vester diabolus tanquam leo rugiens circuit, qaerens quem devoret [7, p. 955]. / Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить) в корреляции сравнения соотносится также со всяким противником, избавление от которого в земном, темпоральном континууме бытия не менее желанно, чем избавление от противника эсхатологического, внетемпорального, как для каждого отдельного человека, так и для города в целом. Так, упоминание льва в тексте рассматриваемого пизанского памятника, наряду с наличием сопоставленной с текстом изобразительной композиции, делает допустимой возможность усматривать в памятнике черты военно-политического апотропея, обращенного ко всякому противнику города, а в антропоморфной фигуре центральной изобразительной композиции – сам город, противостоящий противнику и смотрящий на него сквозь собственный апотропей, размещаемый на фасаде наиболее эмблематичного городского архитектурного комплекса.

В одном из ключевых пизанских военно-политических нарративов, созданных между 1117 и 1125 гг., – в Liber Maiolichinus (Майоркской поэме) – обозначены две модальности противостояния противнику: уподобленные Квиритам пизанцы и их союзники победоносно противостоят врагу, при этом победа является дарованным свыше благом и справедливым, закономерным итогом для побежденных [35, p. 50-51]; в то же время противостояние врагу не только победоносно, но и благочестиво – оно требует подвига, сопряжено с лишениями [Ibidem, p. 51]. Лишениям, вполне допустимо, противостоит апотропей, размещенный на фасаде городского собора, самые закладка и возведение которого стали прямым следствием понесенных Пизанской коммуной трудов и лишений (о лишениях, понесенных коммуной между 1-й четвертью XI и 1-й четвертью XII в. в результате противостояния мусульманскому присутствию в Западном Средиземноморье, упоминают эпитафические памятники: памятная плита о военных свершениях Пизы в Западном Средиземноморье, надгробие пизанских граждан, погибших при осаде Майорки, находится в марсельском аббатстве Сен-Виктор, в верхней церкви) [12, p. 103-105].

Текст рассматриваемого памятника, несколько отклоняющийся от текста псалма (XXI:22, *Libera me de ore leonis: et a cornibus unicornuorum humilitatem meam* (*Salva me ex ore leonis: et a cornibus unicornium humilitatem meam*^{Vulg.}) [6, p. 44]. / *Спаси меня от пасти льва, и от рогов единорогов, услышав, избавь меня*), связан с литургическим обиходом, являясь респонсорием Страстного воскресенья [11, p. 100-101].

Выводы. В фокусе нашего внимания оказываются два эпиграфических памятника – надгробная надпись семейства Ланберти (XII в.) и плита с антропоморфной фигурой (XII в., предпочтительно 1140-е – 1160-е гг.), – относящиеся к фасаду пизанского Дуомо (собора Санта-Мария Ассунта).

Среди прочих сходных надписей надгробная надпись семейства Ланберти призвана идентифицировать захоронение, в т.ч. в саркофаге, и обозначить вектор его местонахождения в зоне некрополя, существовавшего до начала XIV в. *apud Domum*. Основной надгробный текст, в целом корректно представленный в публикациях А. Милоне и О. Банти с точки зрения репертуара формул и их синтаксиса, выступает составной частью субстрата, на котором в XIV в. в апеннинской эпиграфической практике формируется отдельный подтип надгробных плит-сигнатур, становящихся, наряду с ренессансной и барочной эпитафией, одним из широко распространенных подтипов надгробных памятников XV – начала XVIII в. Немаловажна также роль основного надгробного текста рассматриваемого пизанского памятника в качестве связующего звена между более поздней апеннинской надгробной эпиграфикой XIII – 1-й половины XV в. и раннесредневековым надгробным текстом без оративных и локативных формул (примеры позднеантичных и раннесредневековых надгробных надписей без оративных и локативных формул, близких к пизанской надгробной надписи семейства Ланберти: [17, S. 57, 63; 18, p. 42, 44-45; 26, p. 17, 27; 27, p. 115-116, 134, 143, 564; 28, p. 21, 27, 29, 40, 57, 71; 29, p. 7; 30, p. 108, 134, 198, 342, 359-360, 430-431, 438, 452; 31, p. 233-235, 354-356, 360, 482-483, 567, 582; 37, p. 279, 415, 421]). Будучи генетически связанным с внедамасианским сегментом раннесредневекового надгробия, рассматриваемый памятник в ряду прочих сходных позволяет судить о том, какие формулы, их синтаксические связки, репертуар внеалфавитных знаков явились предметом устойчивой рецепции из субстрата массового надгробия конца IV – VIII в. К основной надгробной надписи семейства Ланберти сверху примыкает надпись, состоящая из двух букв (сиглей), не получившая в имеющихся публикациях А. Милоне и О. Банти рационального прочтения и интерпретации. Как кажется, ключ к их прочтению могли бы дать текстомузыкальные формы, связанные с литургическим обиходом, что косвенно указывает едва ли не на ключевую роль литургического обихода как источника рецепции формул и фактора формирования более подвижных синтактико-грамматических составляющих средневекового надгробного текста. Новозаветный текст также мог бы послужить ключом к прочтению. В соответствии с намеченными вариантами прочтения рациональной представляется интерпретация букв (сиглей), примыкающих к основному тексту надгробной надписи семейства Ланберти, как оративной формулы (оративного знака). Наряду с вполне вероятной волей оставить молитвенное благопожелание рядом с надгробной надписью и самим погребением, засвидетельствованной третьими лицами, родственниками или даже сторонним путником, нахождение букв (сиглей) при основном тексте надгробной надписи может также объясняться стремлением позднейшего читателя к выравниванию текста по приобретающей преобладание со 2-й половины XII в. в апеннинской эпиграфической практике модели, постулирующей наличие оративной формулы.

Плита с антропоморфной фигурой, фланкированной изображениями единорогов, многократно упоминается в искусствоведческих и исторических исследованиях. Несмотря на известность, памятник, как нам представляется, требует возвращения к комплексной интерпретации. Так, приведенные наблюдения относительно текста и образцовой композиции позволяют усматривать в памятнике черты военно-политического апоптопея, обращенного ко всякому противнику города, а в антропоморфной фигуре – сам город, противостоящий противнику и смотрящий на него сквозь собственный апотропей, размещаемый на фасаде наиболее эмблематичного городского архитектурного комплекса.

Все сказанное подчеркивает несомненную значимость малых пизанских надписей как в контексте специализированных эпиграфических, так и более широких исторических исследований и делает небезосновательным дальнейшее регулярное обращение к этому материалу.

Список источников

1. *Analecta Hymnica Medii Aevi*: in 55 vols. Leipzig: Fues's Verlag, 1889. Vol. VII. *Prosarium Lemovicense* / hrsg. von G. M. Dreves. 282 p.
2. *Analecta Hymnica Medii Aevi*: in 55 vols. Leipzig: O. R. Reiland, 1911. Vol. LIII. *Thesauri hymnologici Prosarium* / hrsg. von C. Blume, H. Bannister. 414 p.
3. Arias P. E., Gabba E., Cristiani E. *Camposanto monumentale di Pisa*. 1. *Le antichità. Sarcofagi romani, iscrizioni romane e medievali*. Pisa: Pacini, 1977. 180 p.
4. Banti O. *Le epigrafi e le scritte obituarie del Duomo di Pisa*. Pisa: Pacini Editore, 1996. 113 p.
5. Banti O. *Note di epigrafia medioevale: a proposito di due iscrizioni del secolo XI-XII situate sulla facciata del Duomo di Pisa* // *Studi medievali*. 3a ser. Spoleto: CISAM, 1981. Vol. XXII. Fasc. 1. P. 267-282.
6. *Bibliorum sacrorum latinae versiones antiquae, seu Vetus Italica*: in 3 vols / *opera et studio P. Sabatier*. Remis: R. Florentain, 1743. Vol. II. 1109 p.
7. *Bibliorum sacrorum latinae versiones antiquae, seu Vetus Italica*: in 3 vols / *opera et studio P. Sabatier*. Remis: R. Florentain, 1743. Vol. III. 1115 p.

8. Campanelli M. Quel che la filologia può dire alla storia: vicende di manoscritti e testi antighibellini nella Firenze del Trecento // *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo*. Roma: ISIPME, 2003. Vol. CV. P. 87-248.
9. Canaccini F. Battaglie di immagini tra Guelfi e Ghibellini nella Toscana comunale (Sull'uso storico di fonti sfragistiche ed araldiche circa la lotta di fazione in Toscana) // *Studi medievali*. 3a serie. Spoleto: CISAM, 2012. Vol. LIII, 2. P. 635-666.
10. Castelnuovo E. L'artista // *L'uomo medievale* / a cura di J. Le Goff. Bari: Editori Laterza, 1993. P. 237-269.
11. *Corpus antiphonarium officii*: in 6 vols. Roma: Casa Editrice Herder, 1970. Vol. IV. Responsoria, versus, hymni et varia / ed. a R.-J. Hesbert. 537 p.
12. *Corpus des inscriptions de la France médiévale*: in 26 vols / sous la dir. d'E.-R. Labande. P.: C.N.R.S., 1989. Vol. 14. Alpes-Maritimes, Bouches-du-Rhône, Var. 284 p.
13. *Corpus inscriptionum medii aevi Liguriaie*: in 4 vols. Genova: Università di Genova, 1978. Vol. I. Savona-Vado-Quiliano / a cura C. Varaldo; pref. di G. Airaldi; collana storica di fonti e studi, 27; dir. da G. Pistarino. 162 p.
14. Crocker R. L. *The Early Medieval Sequence*. Berkeley: UCLA Press, 1977. 470 p.
15. Crollalanza G. B. di. *Dizionario storico-blasonico delle famiglie nobili e notabili italiane estinte e fiorenti*: in 3 vols. Bologna: Arnaldo Forni Editore, 1965. Vol. II. L - S. 570 p.
16. Delle famiglie pisane di R. Roncioni / supplite ed annotate da F. Bonaini // *Archivio Storico Italiano*. 1848. Vol. VI. Pt. II. Sez. III. Suppl. 2. P. 813-980.
17. *Die Altchristlichen Inschriften der Rheinlande*. Von der Mitte des achten bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts / hrsg. von Fr. X. Kraus. Freiburg i. B. - Leipzig: AV J. C. B. Mohr, 1894. 378 S.
18. *Epigrafia cristã em Portugal* / M. De Oliveira. Lisboa: Letras e artes, 1941. 49 p.
19. *Epigrafia medievale greca e latina. Ideologia e funzione*: Atti del seminario di Erice (12-18 settembre 1991) / diretto da E. Minestrò; a cura di G. Cavallo e C. Mango. Spoleto: CISAM, 1995. 329 p.
20. Favreau R. Le thème iconographique du lion dans les inscriptions médiévales // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1991. 135e année. N° 3. P. 613-636.
21. Frugoni C. L'autocoscienza dell'artista nelle epigrafi del Duomo di Pisa // *L'Europa dei secoli XI e XII fra novità e tradizione: sviluppi di una cultura* (Atti della decima Settimana internazionale di studio, Mendola, 25-29 agosto 1986). Milano: Vita e Pensiero, 1989. P. 277-304.
22. Gattiglia G. *Pisa medievale: archeologia, analisi spaziali e modelli predittivi*. Roma: Edizioni Nuova Cultura, 2013. 218 p.
23. *I blasoni delle famiglie toscane conservati nella raccolta Ceramelli-Papiani / repertorio* a cura di P. Marchi; pubblicazioni degli Archivi di Stato, Sussidi 5. Roma: Athena editrice, 1992. 556 p.
24. *Il Caleffo Vecchio del Comune di Siena* / a cura di G. Cecchini; Istituto comunale di arte e di storia. Fonti di storia senese. Siena: L. S. Olschki editore, 1931. Vol. I. 424 p.
25. *Inschriften bis 1300, Probleme und Aufgaben ihrer Erforschung: Referate der Fachtagung für mittelalterliche und neuzeitliche Epigraphik* (Bonn, 1993) / hrsg. von H. Giersiepen und R. Kottje; *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 94. Opladen: Springer VS, 1995. 218 S.
26. *Inscriptiones Britanniae christianae* / ed. Ae. Hübner. Berolini - Londinii: G. Reimer, Williams et Norgate, 1876. 101 p.
27. *Inscriptiones christianae urbis Romae septimo saeculo antiquiores*: in 12 vols / ed. I. Bapt. De Rossi. Romae: OLP, 1857-1861. Vol. I. 619 p.
28. *Inscripciones cristianas de la España romana y visigoda* / por J. Vives; Consejo Superior de Investigaciones Científicas; Instituto Jerónimo Zurita (Comisión de Barcelona), Balmesiana (Biblioteca Balmes). Barcelona: J. M. Viader, 1942. 299 p.
29. *Inscriptiones Hispaniae christianae* / ed. Aem. Hübner. Berolini: G. Reimer, 1871. 120 p.
30. *Inscriptions chrétiennes de la Gaule antérieures au VIIIe siècle*: in 2 vols / réunies et annotées par E. Le Blant. P.: Imprimerie impériale, 1856. Vol. I. Provinces gallicanes. 498 p.
31. *Inscriptions chrétiennes de la Gaule antérieures au VIIIe siècle*: in 2 vols / réunies et annotées par E. Le Blant. P.: Imprimerie impériale, 1865. Vol. II. Les sept provinces. 644 p.
32. *Las inscripciones góticas: Actas del segundo coloquio internacional de epigrafía medieval* (León, 11-15 de septiembre 2006) / ed. V. García Lobo, M. E. Martín López. León: CIHM, 2010. 562 p.
33. *Lateinische Hymnen des Mittelalters, aus Handschriften herausgegeben und erklärt* von F. J. Mone. Freiburg im B.: Herder, 1854. Zweiter Band. Marienlieder. 457 S.
34. Lazzari T. "Comitato" senza città: Bologna e l'aristocrazia del territorio (secoli IX-XI). Torino: PARAVIA Scriptorium, 1998. 324 p.
35. *Liber Maiolichinus de gestis Pisanorum illustribus* / a cura di C. Calisse. Roma: ISI, 1904. 159 p.
36. Milone A. Schede dell'esterno // *Il Duomo di Pisa*: in 3 vols / a cura di A. Peroni; Collana "Mirabilia Italiae", 3; dir. da S. Settis. Modena: F. C. Panini, 1995. Vol. II. P. 335-424.
37. *Nouveau recueil des inscriptions chrétiennes de la Gaule antérieures au VIIIe siècle* / par E. Le Blant. P.: Imprimerie nationale, 1892. 483 p.
38. Papa Sicca A. *Animali domestici, selvatici, immaginari* // *Il Medioevo*. Barbari, Cristiani, Musulmani / a cura di U. Eco. Milano: EncycloMedia, 2010. P. 225-230.
39. Pastoureau M. *Medioevo simbolico*. 3a ed. Roma - Bari: Editori Laterza, 2009. 404 p.

40. Repertorium Hymnologicum. Catalogue des chants, hymnes, proses, séquences, tropes en usage dans l'Église latine depuis les origines jusqu'à nos jours: in 6 vols / par le chanoine U. Chevalier. Louvain: Imprimerie Polleunis & Ceuterick, 1897. Vol. II. L - Z. 800 p.
41. Repertorium Hymnologicum. Catalogue des chants, hymnes, proses, séquences, tropes en usage dans l'Église latine depuis les origines jusqu'à nos jours: in 6 vols / par le chanoine U. Chevalier. Bruxelles: Société des Bol-landistes, 1921. Vol. V. Addenda et corrigenda. 446 p.
42. Salvatori E. Boni amici et vicini. Le relazioni tra Pisa e le città della Francia meridionale dall'XI alla fine del XIII secolo. Pisa: Edizioni ETS, 2002. 510 p.
43. Salvatori E. La popolazione pisana nel Duecento (dal patto di alleanza di Pisa con Siena, Pistoia e Poggibonsi del 1228). Pisa: Edizioni ETS, 1994. 193 p.
44. Scalia G. Ancora intorno all'epigrafe sulla fondazione del Duomo pisano // Studi medievali. 3a ser. Spoleto: CISAM, 1969. Vol. X. Fasc. 2. P. 483-519.
45. Scalia G. Epigraphica Pisana. Testi latini sulla spedizione contro le Baleari del 1113-1115 e su altre imprese anti-saracene del sec. XI // Miscellanea di studi ispanici. Pisa: Università di Pisa, 1963. Vol. VI. P. 234-286.
46. Scalia G. "Romanitas" pisana tra XI e XII secolo. Le iscrizioni romane del Duomo e la statua del console Rodolfo // Studi medievali. 3a ser. Spoleto: CISAM, 1972. Vol. XIII. Fasc. 2. P. 791-843.
47. Scalia G. Tre iscrizioni e una facciata. Ancora sulla cattedrale di Pisa // Studi medievali. 3a ser. Spoleto: CISAM, 1982. Vol. XXIII. Fasc. 2. P. 817-859.
48. The Medieval Latin and Romance Lyric to A.D. 1300 / by F. Brittain. 2nd ed. Cambridge: UniPress, 1951. 273 p.
49. Torri V. Zeichen friedlicher und bewaffneter Wallfahrt in der toskanischen Skulptur des 12. Jahrhunderts um Guilielmus und Biduinus [Электронный ресурс]. URL: <http://webdoc.sub.gwdg.de/ebook/p/1999/torri/Titel, Inhalt, Hinweise.pdf> (дата обращения: 16.09.2020).

Информация об авторах | Author information

Вальков Дмитрий Вадимович¹, к. ист. н., доц.

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Valkov Dmitry Vadimovich¹, PhD

¹ Lomonosov Moscow State University

¹ valkovdv@mgu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.09.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): Пиза; собор Санта-Мария Ассунта; малые надписи; интерпретация; средневековая европейская эпиграфика; Pisa; Pisa Cathedral (Duomo di Santa Maria Assunta); minor inscriptions; interpretation; European medieval epigraphy.